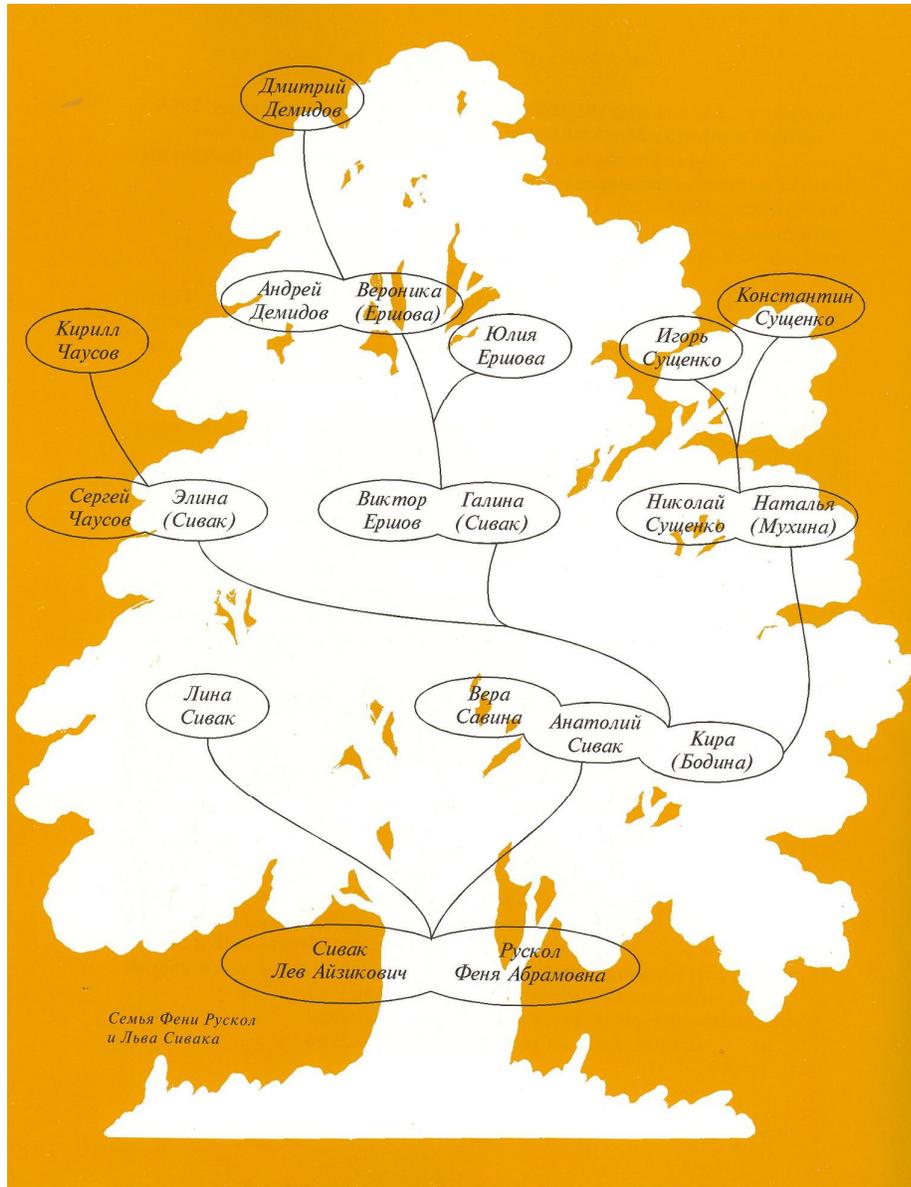

Семья Фени РУСКОЛ-СИВАК

РУСКОЛ ФЕНЯ (ФАИНА) АБРАМОВНА. Родилась в 1908 году в еврейской земледельческой колонии Большой Нагартав, была 11-м ребенком в семье. До 15 лет жила в доме своего отца, училась в школе, помогала матери по дому и хозяйству. В 1924 году переехала в Одессу, затем в Сумы. Совмещая работу на фабрике с учебой на рабфаке, получила общее среднее образование. Затем поступила в Сумской финансово-экономический институт, по окончании которого получила специальность экономиста-планировщика. Работала на Сумском машиностроительном заводе до начала Великой Отечественной войны. Вышла замуж за **Льва Айзиковича Сивака**. Родила дочь **Лину** и сына **Анатолия**.

В начале войны эвакуировалась с коллективом завода в Челябинск, где продолжала работать по специальности. Работала в нескольких цехах и планово-экономическом отделе вплоть до выхода на пенсию.

*Феня, Юрий и
Этя Русколы*

Глава VII. Биографии Большой семьи

*Фея Рускол
с дочерью Линой.
1932 год*

*80-летие Феи Рускол.
Даниэль Рускол, Фея,
внучка Даниэля Оля,
жена Даниэля Диляра,
дочь Фенилина Сивак.
Челябинск. 1988 год*

Много лет была секретарем парторганизации цеха №1, председателем цехового комитета профсоюза. Стала первым председателем созданного на заводе совета ветеранов, а затем была его бессменным членом более четверти века. Десятки лет она руководила библиотекой-передвижкой у себя на дому. Ни одно

общественное мероприятие на заводе, в Доме культуры, в музее, в молодежных общежитиях не обходилось без ее участия. Сколько поздравлений с праздниками, днями рождения, юбилеями написала она ветеранам завода! С ее помощью многие пенсионеры получали путевки в санатории, дома отдыха, заводской профилакторий. Энергичная, внимательная, доброжелательная к людям, она пользовалась большим авторитетом в коллективе завода.

После продолжительной болезни умерла 8 января 1993 г. в Челябинске на 85-м году жизни.

СИВАК ЛЕВ АЙЗИКОВИЧ. Родился в ноябре 1906 г. в Виннице, на Украине, в семье ломового извозчика. Учился в школе ФЗУ, работал наборщиком в типографии газеты «Украинский рабочий», затем поступил на арабфак физико-химического института в Харькове. В 1936 г. окончил Харьковский государственный университет. С 1936 по 1941 гг. работал старшим преподавателем физики педагогического института в г. Сумы (Украина), затем — заместителем директора института по науке и заведующим кафедрой физики. В 1941 г. институт был эвакуирован. Л.А. оказался в Челябинске, где поступил на завод сельскохозяйственного машиностроения, работал монтажником, инженером лаборатории. В 1944 г. зачислен на должность директора ремесленного училища № 9, затем — на должность старшего инспектора отдела училищ и школ облуправления трудовых резервов. В 1962 г. освобожден от работы в связи с инвалидностью. В комсомоле состоял с 1924 по 1932 гг., в КПСС — с 1928 г. Избирался членом бюро горкома и членом пленума горкома КПСС г. Челябинска.

Был женат на **Фене Абрамовне Рускол**, имел двоих детей.

Умер в 1963 г. в Челябинске от гипертонической болезни в возрасте 57 лет.

Глава VII. Биографии Большой семьи

СИВАК ЛИНА ЛЬВОВНА. Родилась 19 мая 1932 г. в Москве. До войны жила с родителями в г. Сумы, Украина. В 1939 г. отца перевели в г. Кременец, семья приехала к нему в 1940 г. Там Л.Л. окончила первый класс средней школы. В 1941 г. семья эвакуировалась в Челябинск, где Л.Л. в 1951 г. окончила 10 классов и поступила в педагогический институт. После его окончания с 1955 г. работала в школе учителем физики. С 1951 г. была членом ВЛКСМ.

Ветеран труда. За время работы получала благодарности. За хорошую постановку учебно-воспитательной работы награждена грамотой областного отдела народного образования, неоднократно получала денежные премии.

*Лина (в центре),
Этя Рускол и ее
дочь Таня. 1950
год*

*Лина в гостях у
двоюродного брата
Иосифа Шайкина.
Киев, 1962 год*

Семья Фени РУСКОЛ-СИВАК

СИВАК АНАТОЛИЙ ЛЬВОВИЧ. Родился 23 февраля 1937 г. в г. Сумы. Предлагаем рассказ Анатолия Сивака о своей семье.

В семье было принято говорить только по-русски. Мама с папой иногда, чтобы мы с сестрой не понимали, о чем речь, отдельные фразы произносили на идиш, но очень редко. Поэтому родным языком стал русский. Из-за редкого употребления родители и сами утратили навыки разговорного еврейского языка.

Из самых ранних детских воспоминаний остался только какой-то дом над рекой (думаю, что Псел), беговая дорожка над берегом и прогулки с бабушкой по мосту над рекой. Перед войной семья проживала в г. Кременчуг. Папа, Сивак Лев Айзикович, преподавал (или был деканом, точно не знаю) в институте. Мама воспитывала нас с сестрой. Жили в большом двухэтажном доме, первый этаж которого занимал бывший хозяин. На втором жили мы. Посередине большого зала стояло пианино. Балконная дверь из зала выводила на каменную лестницу, спускающуюся в сад.

Начало польской кампании связано в памяти со скачущими красными конниками.

Из Кременчуга семья переехала в Сумы, где мама работала инженером-экономистом на Сумском заводе сельскохозяйственного и дорожного машиностроения, а затем вместе с заводом мы эвакуировались на Урал, в Челябинск. Жили в доме рядом с вокзалом вместе с бабушкой и бабушкой, тетей Этей и ее дочкой Танечкой. Папа приехал позже, после эвакуации института.

Мама работала инженером-экономистом на заводе им. Колющенко. В войну завод выпускал знаменитые «Катюши» и другое вооружение, после войны — сельскохозяйственные и дорожные машины. Папа тоже работал на этом заводе начальником физической лаборатории, а впоследствии — директором ремесленного училища при заводе им. Колющенко. Мы с Татьяной ходили в детский сад сначала при железной дороге, где работала тетя Этя, а потом в детский сад завода.

Глава VII. Биографии Большой семьи

С концертами объезжали госпитали. Я уже тогда мечтал стать моряком. Все об этом знали и в монта-жах мне поручали исключительно морские части.

Бьет волна в борта крутые, тяжелы валы седые, и чужие корабли появляются в дали. Дымом вражеским подуло. Навожу я пушек дуло...

Носил я морской костюмчик. И когда с фронта вернулся дядя Миша Гарбуз, он подарил мне австрийский штык, который я носил вместо кортика. В 1945 (или 46) году тетя Этя вместе с дедушкой и бабушкой уехала в Москву. Мы переехали в «рубленные» двухэтажные дома поближе к заводу. С этого примерно времени все воспоминания детства и отрочества прекрасно сохранились в памяти. Но вряд ли они намного отличаются от детства сотен других моих сверстников.

В 1944 году папа отвел меня в 1-й класс. Это была мужская школа, в здании которой раньше находился госпиталь, где мы в детсадовскую пору выступали с концертами для раненых. Учился я всегда неплохо, без особых понуканий и претензий со стороны учителей и родителей.

Характер имел открытый и общительный. В меру честолюбив. С детства, видимо, заложены задатки лидера. Поэтому я был звеньевым, а потом и председателем совета отряда, членом совета дружины. В 14 лет вступил в ВЛКСМ, и там общественная работа не обходила меня стороной, хотя особого пристрастия к ней я не чувствовал никогда. В каникулы каждый год отдыхал в пионерском лагере, а в старших классах — ежегодные турпоходы по Южному Уралу. Физически развит был гармонично. Занимался на уровне 2 разряда легкой атлетикой, баскетболом, волейболом и лыжами, но основное время отдавалось футболу. Играл в заводской детской, юношеской и взрослой команде на первенство города и области. Основным партнером в шахматы был, конечно, папа, он играл очень прилично.

Школу закончил в 1954 году. Как говорится, «шел на медаль», но из-за казуса при написании выпускного сочинения (писал авторучкой «Паркер» вместо перьевой ручки с 86-м пером, что категорически посчитали космополитизмом) получил тройку по русскому в аттестат. Все остальные оценки в аттестате — пятерки. Сейчас смешно вспоминать, а тогда это чуть не сломало мне судьбу. Без последствий, конечно, не обошлось, и немедленное поступление в Ленинградское военно-морское училище пришлось отложить. Но я был настойчив, и чтобы попасть все-таки на флот, до призыва на действительную службу начал работать фрезеровщиком на заводе и учиться на вечернем отделении Челябинского политехнического института.

До призыва на военную службу продолжал играть в футбол за заводскую команду на первенство города и области. В это время завод приобрел базу на озере Смолино и появилась возможность заняться тем, что хоть как-то приближало меня к исполнению мечты — шлюпочным и парусным спортом. В составе заводской команды участвовал вгонках яхт и шлюпок на веслах и под парусом на первенство Челябинской области.

Осенью 1956 года был призван на действительную военную службу в ВМФ. К этому времени я уже начал учебу на третьем курсе института. Служить направили в Ленинград, в школу младших командиров в «Первом балтийском флотском экипаже». Экипаж размещался у Поцелуева моста, совсем недалеко от Театральной площади и Мариинки. Военская дисциплина, трудности и лишения (о чем всегда говорят при упоминании воинской службы) воспринимались мной легко. Уже через месяц я был назначен командиром отделения, а еще через месяц сам проводил занятия по устройству вооружения и т.д. Школу закончил в звании старшины второй статьи и был направлен для дальнейшего прохождения службы в форт «Красная горка» командиром отделения химической разведки артиллерийского башенного дивизиона. «Красная горка» расположена на берегу Финского залива. Кругом сосновый лес. Все вокруг дышало историей.

Артиллерийские башни со стволами в 305 мм, железобетонные укрепления под ними — постройки 1914 года. Кронштадт напротив. Форт «Серая лошадь» рядом. Все это — места, известные нам из школьных учебников и кинофильмов. И я здесь как будто сам стал участником всех революционных событий и событий, связанных с Великой Отечественной войной. Ведь немцы настолько боялись «Красной горки», что так и не взяли ее за всю войну.

Шел 1957 год. Министром обороны был еще Жуков. Тогда физическая подготовка в армии и на флоте ставилась если не выше политической, то наравне с ней. Был введен ежедневный час физподготовки. А в условиях форта, с его прекрасным зеленым стадионом, с футбольным полем, волейбольными и баскетбольными и другими площадками, развернуться было где. Близость залива летом позволяла купаться в любое время. И все свободное от нарядов и службы время мы, конечно, проводили на воздухе. Зимой лыжи и футбол на снегу. Это было прекрасное время. Увольнения и экскурсии в Петергоф и Ленинград.

Осенью 1957 года, чтобы увидеться со мной, в Ленинград приехала мама. Меня отпустили в город на двое суток, и мы бродили по Ленинграду. Ночевали у Воли Николаева. Он тогда учился в Академии. Был холост и снимал где-то комнату. Сославшись на дежурство, уступил ее нам на двое суток.

Как только представилась возможность (нужно было отслужить не менее полутора лет), я получил разрешение подать документы для поступления в Военно-морское инженерное училище, знаменитую Дзержинку, о чем так давно мечтал. Успешно прошел медицинскую и мандатную комиссию и был допущен к сдаче экзаменов. Жили мы, военные абитуриенты, в Михайловском замке. Там располагался один из факультетов училища. Рядом — Фонтанка. Большая парадная лестница мимо Геракла и Венеры вела прямо к Летнему саду. Днем мы готовились и сдавали положенные экзамены, а вечером шли в увольнение, если отпускали. А если не отпускали, то иногда и в само-

Семья Фени РУСКОЛ-СИВАК

волку, по той же лестнице. Ленинград притягивал к себе, как магнитом. Экзамены я сдал легко. Сказалась подготовка в институте. И вот, наконец, я — курсант первого курса Дзержинки. Зачислен я был на специальный факультет, готовивший инженеров-механиков для атомных подводных лодок бурно росшего в то время подводного флота. Училище размещалось в здании Адмиралтейства. Окна аудиторий выходили и на Неву с Петропавловской крепостью на противоположном берегу, и на Зимний дворец, и на Медного всадника, и на Александровский сад, за которым открывалась «Невская перспектива». И здесь тоже все было связано с историей, завораживало шедеврами архитектуры. Трудно было привыкнуть к мысли, что ты здесь и все это рядом. И все это не во сне. Училище — колыбель флотских инженеров, с богатейшими научными, флотскими и боевыми традициями. Лекции нам читали корифеи ядерной физики, автоматики, физики парогенераторов и ядерных реакторов. На встречи с нами приходили академики: и Курчатов, и Александров, и Долежалъ — имена в то время мало известные для непосвященных, но широко известные и почитаемые в кругу причастных к атомному флоту.

А за стенами атмосфера шестидесятых годов. Университеты культуры, встречи с артистами, вечера в Политехническом институте, встречи с Высоцким и Евтушенко, стихи Роберта Рождественского.

Пишет тебе капитан-лейтенант. Пойми, что письмо для него не внезапно. Как там у вас дождинки шумят в тихих аллеях Летнего сада?

Эти стихи были нам, будущим офицерам флота, тогда близки и понятны.

Учился я легко. На первой же контрольной по высшей математике единственный получил пятерку. Ис тех пор у преподавателя математики (мы за глаза звали его «Би-квадратная голова» за непомерно боль-

Глава VII. Биографии Большой семьи

шой череп) пользовался уважением и доверием на всех последующих занятиях и экзаменах. С первого по третий курс я был старшиной своего класса, а на четвертом и пятом курсах — старшиной роты на своем курсе. Так что опыт работы с подчиненными еще в училище накопил достаточный, а командовать сокурсниками и при этом сохранить уважение и оставаться, что называется, человеком — всегда непросто. Но, как выяснилось при наших традиционных встречах, мне это удавалось. И, конечно, я был в комсомольском активе. (Это у меня, наверное, от мамы. Она до самой смерти вела активную общественную работу). В 1960 году я стал членом партии. В заявлении совершенно искренне писал «...жизни вне партии для себя не мыслю». Нужно сказать, что так считал и до последних лет, когда мы все прозрели. Но и тогда, написав заявление о выходе из партии, я оставил себе партбилет в память о тех друзьях-коммунистах, которые, как нас и учили, всегда были впереди и в самых трудных условиях, рискуя жизнью, выполняли свой долг, оставаясь примером для других. Хотя, чем выше поднимался по служебной лестнице, тем все больше понимал несоответствие слов и действий наших идейных вдохновителей. Забегая вперед, скажу,

*Курсантская
практика. Рейд
о. Кильдин.
Северный флот*

что, когда решался вопрос о назначении меня на должность 1-го ранга флагманским механиком дивизии АПЛ и в штаб флотилии, несмотря на рекомендации всех ближайших начальников, препятствием стал 5-й параграф анкеты, что, видимо, никак не согласовывалось с линией столь любимой мной партии. И именно от политотдела был наложен строжайший запрет на дальнейшие продвижения. Это была уже середина семидесятых и восьмидесятые годы. Коснулось это не только меня, но и многих весьма достойных и прекрасно зарекомендовавших себя предыдущей службой ребят. До вот этих пор можно, а дальше — ни-ни. Учебную морскую практику проходили на кораблях и подводных лодках Северного флота, заводскую — в Северодвинске, где (теперь уже это не секрет) строились атомные подводные лодки.

Курсантские годы — это сюжет для отдельной повести. Училищное братство сохранилось навсегда. И сейчас, когда мы встречаемся у фонтана перед входом в Дзержинку традиционно, теперь ежегодно в последнюю субботу июля перед Днем Флота, а раньше, пока все служили, — через 5, 10, 20 лет после окончания училища, мы снова как-буд то возвращаемся в те прекрасные годы и ту атмосферу. Правда, к сожалению, приходит на встречи все меньше и меньше ребят. Иных уж нет, а те далече и не всегда могут позволить себе роскошь приехать в Ленинград по состоянию финансов или здоровья.

Училище окончил с отличием в 1963 году и в звании инженера-лейтенанта получил назначение на строившуюся в то время в Северодвинске атомную подводную лодку-ракетоносец, которой по флотской традиции, чтобы увековечить имя легендарной гвардейской подводной лодки К-22 времен Великой Отечественной войны, был присвоен тактический номер К-22, а ее экипажу — звание «Гвардейский». И мы, на зависть всему флоту, носили гвардейское знамя, нагрудные знаки и ленточки. Такой же чести удостоился и вступивший в то же время в строй гвардейский ракетный крейсер «Варяг».

Потом были офицерские классы в Обнинске, где мы практиковались на первой атомной станции. Классы я тоже окончил с отличием. В 1964 году лодка была спущена на воду, на ней поднят гвардейский военноморской флаг и мы перешли к месту постоянного базирования на Северный флот.

Начались будни и праздники флотской службы.

Первые выходы в море. Первое автономное плавание. Я служил с удовольствием. Все было интересно, а полученные знания и накапливающийся опыт позволил довольно быстро заслужить уважение и авторитет грамотного специалиста. В 1966 году я уже был назначен командиром дивизиона движения. В 1967 году сдал на допуск к самостоятельному управлению подводной лодкой и получил нагрудный знак «Командир подводной лодки», которым удостоивались командиры, старшие помощники командиров и механики, сдавшие все положенные зачеты на допуск к самостоятельному управлению ПЛ в любых, простых и сложных, условиях плавания. Уже в 1968 году я был назначен командиром электромеханической боевой части (БЧ-5) крейсерской АПЛ. Я был первым из нашего выпуска, кого назначили на эту должность. Эта должность

*На боевом дежурстве.
Губа Нерпичья,
Северный флот. 1968
год*

сравнима с должностью главного инженера крупной атомной электростанции в условиях гражданской, но с учетом того, что эта атомная установка сжата до объемов прочного корпуса, движется и качается по воле стихии и планов командования. Это очень ответственная должность. По сути, все жизнеобеспечение, движение и плавучесть подводной лодки, основная роль в подготовке экипажа по борьбе за живучесть ложится на плечи командира БЧ-5. Я был готов, по мнению командования, к этой роли и дальнейшей службой подтвердил это. Наш экипаж был всегда примером для других. Тренировками и учениями, хорошо и добросовестно налаженной специальной подготовкой удалось создать костяк офицеров и мичманов, вокруг которого быстро осваивались и входили в строй молодые, вновь приходящие матросы, офицеры и мичманы. Благодаря этой подготовке нам удавалось выходить победителями в самых сложных условиях, которых за 12 лет моего пребывания в должности было, к сожалению, предостаточно. Ведь это была АПЛ первого поколения с недоработками и недостатками, которые потом, благодаря и нашему, в том числе, печальному опыту, были учтены и ликвидированы на после-

*На пульте управления
энергетической
установкой АПЛ.
1970 год*

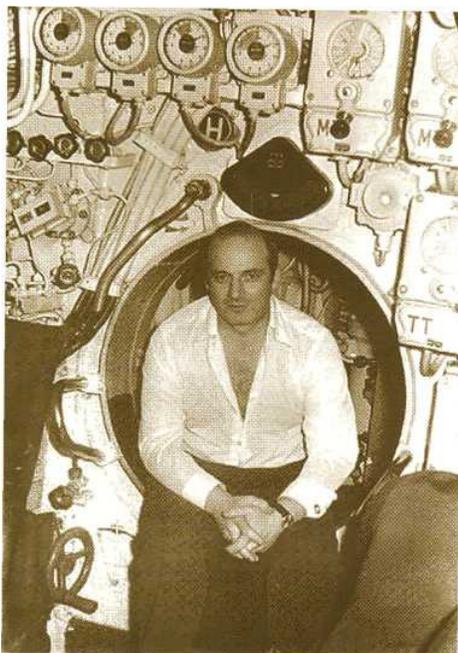

*На борту АПЛ,
Баренцево море.
Командир БЧ-5.
1978 год*

дующих поколениях АПЛ. Нам удавалось выходить с минимальными потерями порой из таких аварийных ситуаций, из которых других, бывало, приводили без хода, на буксире или, того хуже, в аналогичной ситуации погибла наша лодка в Бискайском заливе. После одного из автономных походов за грамотные и самоотверженные действия в аварийной ситуации, я был награжден тогда недавно введенным орденом «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» 3-й степени. Награжден был и командир. А политотдел расщедрился и поощрил меня талоном на ковер 3 x 2 м, и а что зам. по политчасти, считая себя обойденным, обиделся. Побежал в политотдел и попросил заменить этот ковер на два ковра 2 x 1,5м, один из которых, конечно, взял себе. Рассказываю это не из чувства мелочности, а чтобы показать, до какой низости порой опускались эти служители культа. И это один из самых слабых примеров.

После этого похода меня дважды приглашали в родное училище, в Ленинград, чтобы я поделился с преподавателями и курсантами опытом ликвидации тех аварий и поломок, с которыми нам пришлось столкнуться. В должности командира БЧ-5 я прослужил 12 лет. За это время было несколько попыток ближайшего командования назначить меня на более высокие и ответственные должности, но каждый раз под разными предложениями эти попытки почему-то срывались, хотя, на первый взгляд, объяснение было совсем невинным. На самом деле за всем этим стояла, конечно, национальная политика нашей любимой партии, жизни вне которой на заре прекрасной юности я себе не мыслил. Я еще успел как-то подняться. Во все последующие годы даже и на меньшие должности назначение «наших людей» если и происходило, то как исключение и с большим трудом. В порядке такого исключения в 1980 году, благодаря настоятельному требованию флагманского инженер-механика флотилии АПЛ, я был назначен главным строителем кораблей — начальником отдела строителей плавучего судоремонтного завода, входившего в состав флотилии АПЛ. К этому времени я уже давно имел звание капитана 2 ранга-инженера и солидный опыт эксплуатации и ремонта АПЛ, богатый и успешный опыт автономных походов в разных широтах океана. И среди сослуживцев и коллег имел заслуженный авторитет и пользовался уважением.

На новой должности пришлось столкнуться с новыми проблемами. По сути, это были те же проблемы, что и на конкретной АПЛ, но смотреть на них пришлось уже «с другой стороны баррикады», всегда стоявшей между ремонтниками и эксплуатационниками. Преимущество мое было в том, что я легко понимал теперь уже и тех, и других. Мне удалось внести свежую струю в атмосферу межпоходовых и доковых ремонтов, укрепить организацию этих ремонтов, более четко выдерживать сроки ремонтов, жестко завязанных на планы боевой подготовки и боевых служб АПЛ. В то время подводный флот рос бурно и ремонтная

*В центральном посту
подводной лодки.
1980 год*

база значительно отставала от темпов роста флота. Оказалось, что лодки не только первого, но и второго, и третьего поколений не настолько надежны и безотказны, как думалось вначале, и нуждаются в объемных межпоходовых ремонтах. Да и ремонтпригодность отдельных узлов не продумана при проектировании, а для агрегатной замены ни конструкторы, ни промышленность, ни флот по своим запасам еще не готовы.

В общем, работа была настолько же интересна, насколько и ответственна. Но время неумолимо бежало вперед, и когда мне исполнилось 46 лет, я демобилизовался. К этому времени выслуга моя была уже 44 года (на АПЛ год службы считался за два, а в период боевых действий во время ливийских событий — один месяц за три). Пенсию мне назначили макси-

мальную по тем временам, аж 250 рублей. В Ленинграде с 1974 года у нас была построена трехкомнатная квартира. Кроме того, была квартира старшей дочери Наташи и комната тещи в коммунальной квартире. Положение не такое уж плохое. Но оставаться без работы в 46 лет, когда еще полон сил и энергии, было не по мне. И я устроился на работу на Южную ТЭЦ Ленэнерго, сначала заместителем начальника котлотурбинного цеха, а затем перешел на должность старшего инспектора по эксплуатации, совмещая эти обязанности с обязанностями старшего инспектора по охране труда и ответственного по надзору за безопасной эксплуатацией объектов, подведомственных государственному горному техническому надзору. Все это вместе определило неплохую сравнительно заработную плату и социальный статус. А так как я, ктому же, имел и военную пенсию, то рваться выше и взыскивать на себя дополнительные обязанности и связанную с ними ответственность я не стремился.

В сентябре 2001 года в этой должности и заканчиваю свою трудовую деятельность в Санкт-Петербурге и уезжаю к новому постоянному, надеюсь, месту жительства в Красную Поляну, в Сочи. Без ложной скромности могу сказать, что пользовался авторитетом и уважением. По признанию директора «Севзапэнерго-технадзора», а это организация, инспектирующая все электростанции Северо-Западного региона России, считался лучшим инспектором в Ленэнерго. И даже предлагалась должность начальника Управления по охране труда и надежности Ленэнерго. Но, увы, мне к этому времени было уже 64 года, дважды пенсионер, я уже принял решение о переезде в Сочи и, конечно, этот вариант отпал. За время работы на ТЭЦ до 1991 г. был членом парткома ТЭЦ, а с 1990 г. до 1997 г. — председателем профкома управления ТЭЦ. В 1998 г. получил удостоверение «Ветерана подразделений особого риска». Его дают участникам ликвидации аварий, связанных с радиацией, в том числе и на атомных подводных лодках. За время 17-летней службы непосредственно на АПЛ таких моментов было несколько,

и вся трудность была в сборе необходимых документов, подтверждающих непосредственное участие в ликвидации этих аварий. Статус этот был введен после Чернобыльской трагедии в 1986 году. А до этого все эти эпизоды, особенно то, что связано с АПЛ, держалось в строжайшем секрете. Я же закончил службу в 1983 году, когда все это было за семью печатями.

По Указу Президента России все ветераны подразделений особого риска награждаются орденом «За мужество». Награжден 12 медалями. Ветеран военной службы, а теперь уже и ветеран труда. Несколько печатных работ, посвященных эксплуатации и ремонту АПЛ первого поколения, помещены в секретном сборнике «Труды училища».

Женат с 1959 года. Жена, **Кира Соломоновна**, родилась и выросла в Ленинграде. Пережила вместе с матерью первую зиму блокады, потом была вывезена по дороге жизни в Свердловск к тетке. Мама ее, Бодина Анна Васильевна, была призвана на военную службу и осталась в Ленинграде. Выжить им удалось благодаря помощи друга семьи, который в это время командовал автобатальоном под Ленинградом и, как мог, снабжал их продуктами. Отец жены, Бодин Соломон Миронович, до войны работал директором гастронома. В войну был начальником снабжения полка и вместе с полком дошел до Берлина. В 1945 году полк расквартировался в Германии, в Фюрстенберге, куда он и вызвал жену и дочь. После демобилизации семья вернулась в Ленинград. Отец опять директорствовал в гастрономе «Стрела» на Измайловском проспекте. Мама работала в кожно-венерическом диспансере Кировского района. После окончания средней школы Кира вышла замуж за друга детства — сына командира полка, в котором служил отец, Владимира Мухина, который к тому времени закончил пожарное училище и получил назначение на Дальний Восток. Там родилась дочь **Наташа**.

К моменту нашей встречи Кира была еще формально замужем, но семейная жизнь их не сложилась. В 1959 году был оформлен развод и в новогоднюю ночь

*Кира Сивак.
1960 год*

Семья Фени РУСКОЛ-СИВАК

*Кира Сивак.
1980 год*

наступающего 1960 года мы сыграли курсантскую свадьбу. Любовь Киры грела меня до самой ее смерти в 1997 году. У меня все время был крепкий и надежный тыл. Все трудности начального периода службы, неустроенность быта, неизбежные при морской службе разлуки, болезни и учеба детей — все это переносилось стойко и мужественно. И постоянная тревога за мужа и его экипаж, пока мы бывали в море. А дважды сарафанное радио доносило до нее слух о моей якобы гибели в море. Ее еле откачивали, а потом выяснялось, что кто-то что-то перепутал.

В 1960 году у нас родилась дочь **Галя**, а в 1969 г. дочь **Элина**. Детство, отрочество и юность всех трех девочек проходило в обстановке флотских военных городков, среди таких же, как они, детей моряков. Жизнь флотских семей, все радости, трудности, праздники и будни, пример матери, вошли в их сознание и, хорошо это или плохо, определили их судьбу. После окончания школы, а затем медицинского училища все они стали женами морских офицеров.

*Возвращаемся из
отпуска.
Челябинск. 1960 год*

*С дочерью Галей.
Западная Лица.
1966 год*

*Весенние каникулы
в Ленинграде.
С дочерью Элей.
1979 год*

Наташа вышла замуж в 1973 г. за курсанта 5 курса а училища Дзержинского **Николая Сушенко** и после окончания им училища вместе с ним отправилась на Северный флот. В 1974 г. у них родился сын **Игорь** и в 1979 г. — сын **Константин**. На Северном флоте Николай прослужил до 1996 г. и закончил службу

*Свадьба Наташи.
1973 год*

Семья Фени РУСКОЛ-СИВАК

в звании капитана 3 ранга офицером штаба Северного флота. Сейчас он — военный пенсионер, ветеран Вооруженных сил, живет и работает в Санкт-Петербурге.

Игорь Сущенко закончил школу в Североморске и, продолжая семейные традиции, поступил на 1-й курс училища Дзержинского. Но «грянул» 1991 год, началась всеобщая вакханалия и развал флота. Ни флот, ни тем более какие-то курсанты никому стали не нужны. Поддавшись всеобщему настрою, воцарившемуся в училище, Игорь отчислился на флот, дослужил положенный срок и демобилизовался. Теперь, конечно, жалеет, но уже поздно возвращаться. **Костя Сущенко** закончил лесотехническую академию в 2002 г. Его биография только начинается.

Галя вышла замуж за **Виктора Ершова** в 1979 г.

Виктор в это время в звании старшего лейтенанта-инженера служил командиром группы дистанционного управления реактором в моем экипаже. В дальнейшем служил командиром дивизиона живучести АПЛ, а потом перевелся в военную приемку в Ленинград. Демобилизовался в 1994 г. в звании капитана 3-го ранга. Работал на таможне. Всегда был окружен друзьями. Характер общительный, добросовестно и порой само-

Анатолий Сивак с сестрой Линой и дочерьми Элиной и Галей

Глава VII. Биографии Большой семьи

отверженно относился к исполнению служебных обязанностей. За время службы на АПЛ не раз попадал в аварийные ситуации и никогда не терял присутствия духа. К сожалению, физические и психологические нагрузки пагубным образом сказались на его здоровье, и в 1997 году он скончался. Остались у Тали две дочери — **Вероника**, 1980 г. рождения, и **Юля**, 1989 г. рождения. **Юля** учится в школе.

*С внучками Юлей
и Вероникой
Ершовыми*

*Свадьба Вероники
Ершовой и Андрея
Демидова. Рядом с
Вероникой — ее
сестра Юля.
1997 год*

*Дмитрий Демидов.
Дальнереченск.
2001 год*

*Элина. 7-й класс.
1982 год*

Вероника окончила медицинское училище и в 1997 г. вышла замуж за курсанта зенитно-ракетного училища Санкт-Петербурга **Андрея Демидова**. В 1998г. у них родился сын **Дмитрий** (мой правнук). Сейчас Вероника с мужем служат на Дальнем Востоке. Элина окончила медицинское училище и тожестала женой офицера флота **Сергея Чаусова**. Дед и отец Сергея также служили во флоте. Сергей окончил училище подводного плавания и служил на Северном флоте на АПЛ второго поколения. Окончив училище с отличием, быстро продвигался по служебной лестнице и к 30 годам был назначен старшим помощником командира самой большой нашей АПЛ-ракетоносца. Но из-за развала флота вынужден был демобилизоваться (выйти на пенсию по выслуге лет) в звании

*Элина Чаусова с
сыном Кириллом.
1987 год*

капитана 3 ранга, несмотря на открывающуюся перспективу карьерного роста. В 1987 году у Эли родился сын, которого в честь Киры назвали **Кириллом**. Сейчас Чаусовы живут в г. Пушкин. Элина заочно заканчивает институт им. Валленберга и работает логопедом.